

A solid red vertical rectangular bar is positioned on the left side of the cover, partially overlapping the first letter of the title.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

быт таджикского крестьянства», — «Труды института этнографии, новая серия», т. XXIV, М. — Л., 1954, стр. 126.

¹⁵ Там же, стр. 112.

¹⁶ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 118.

¹⁷ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов...

¹⁸ К. Л. Задыхина, Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии, — «Труды Института этнографии, новая серия», т. XIV, 1951, стр. 157—179.

¹⁹ С. М. Мирхасилов, К истории общественного быта узбеков, — «Советская этнография», 1963, № 5, стр. 116—121.

²⁰ По-видимому, акт приема в ферганский гап обставлялся определенными церемониями. Что представляли из себя эти церемонии, сказать трудно. Но ясно одно: в то или иное объединение «претендента» принимали при условии, если в результате своеобразного предварительного «тайного» опроса он получал абсолютное большинство голосов участников этого объединения. При этом прежде всего во внимание принималась его материальная обеспеченность. Вступление мужчины в организацию гап не могло не отразиться на питании женщин и детей в малосостоятельных семьях, основными элементами пищи которых являлись хлеб и фрукты. Справедливо отмечают Наливкины, что, идя в собрание джура, «муж и отец становится малозаинтересованным в качестве и количестве домашней трапезы, в которой он не участвует, а потому и питание семьи значительно ухудшается» (см.: В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта..., стр. 128).

²¹ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 117. Автор отмечает, что в Касанских гап-хона джура начинают участвовать не раньше 20 лет, т. е. с такого времени, когда участник способен сам зарабатывать деньги, чтобы вносить *тукма* (свой пай) на расходы и свой членский взнос.

²² Н. А. Кисляков, «Аловхона» — «дом огня» у таджиков, — Основные проблемы африканистики, М., 1973, стр. 92 (рукопись статьи).

²³ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 118.

²⁴ Угощение джура-сотрапезников обычно состояло из плова, который специально приготавливали к вечеру. Всегда имелся готовый чай. Его пили по желанию. В ряде случаев подавали суп — *шурпу*. Так практиковалось в зажиточных слоях населения. Для приготовления трапезы участники гапа на весь сезон функционирования собрания избирали из своей среды повара или же готовили поочередно.

²⁵ В малочисленных собраниях, где угощения проводились в два-три цикла, подобные запасы делались два-три раза.

²⁶ Исключением, по нашим материалам, является собрание *тукма*, бытовавшее, по-видимому, среди более состоятельных людей. Сведения, полученные нами в кишлаке Сох, говорят о том, что здесь каждый член *тукмы* приносил в мехмонхону для угощения своих сотрапезников все необходимые для этого продукты, включая мясо и сало.

Говоря о форме производства расходов собраний у мужчин в Касанском районе, М. С. Андреев отмечал, что в некоторых клубах-артелях все расходы производились за счет членских взносов, в других на собранные деньги покупали только мясо, сало, уголь и еще некоторые предметы, а хлеб, рис (на плов), дрова, чай и пр. приносили по очереди те члены, очередь которых падала на данный день (см.: М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 117).

²⁷ См.: С. А. Маретина, «Дом холостяков» у народов Юго-Восточной Азии, — Тезисы IV научной конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии, Л., 1972, стр. 44—47.

²⁸ Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, — «Труды Института этнографии, новая серия», т. XLII, М., 1959, стр. 293 и сл.

²⁹ Там же, стр. 293.

³⁰ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов..., стр. 205.

Р. Я. РАССУДОВА

ИЗДОЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (конец XIX — начало XX в.)

Период конца XIX — начала XX в. является чрезвычайно важным в социально-экономической жизни народов Ферганской и Зеравшанской долин, т. е. территорий, входивших в течение полувека в состав Российской империи. Известно, что в результате присоединения Средней Азии к России были ликвидированы феодальная раздробленность районов и непрерывные междоусобицы. Царское правительство уничтожило также феодальные привилегии местной знати, объявив все земли принадлежащими государству и стало взимать налоги со всех землевладельцев. В связи с этим были отменены различные сборы и натуральные повинности в пользу ханских чиновников, поземельно-натуральный налог был заменен денежной формой (в 1900 г.), а размер его ограничен 10%¹.

Для капиталистической России Средняя Азия являлась в первую очередь рынком сбыта и источником сырья, а в начале XX в. стала еще хлопковой базой для русской текстильной промышленности. Оживлению хозяйственной жизни способствовало также строительство железных дорог, приведших к разрушению экономической замкнутости отдельных районов и дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. В результате совокупности всех мероприятий царской России, проведенных в этом районе, в торговлю и рыночные связи вступали непосредственные производители, в том числе и крестьяне.

Не менее важным результатом аграрных и налоговых преобразований в рассматриваемых районах является, с одной стороны, изменение направления земледелия, которое все больше становилось хлопководческим, т. е. товарным, с другой стороны — некоторые изменения социального состава земледельцев в сельских общинах. В этот период появились новые социальные классы и подверглись изменению старые, появился класс буржуазии (сельской и городской) и класс промышленного и сельского пролетариата.

Формы аграрных, водо-земельных отношений представляли чрезвычайно сложную картину, так как в них тесно переплетались этническая принадлежность крестьян и природно-хозяйственное положение того или иного района. Установление же в конце XIX — начале XX в. новых социально-экономических отношений, определявшихся наличием как феодально-патриархальных, так и капиталистических отношений, отражалось не только в системе и организации земледелия (развитие товарного хлопководства), но и в возникновении различных терминов, обозначающих как новые, так и старые социальные категории (в изменении содержания прежних терминов).

Одной из причин, мешающих устранению тех или иных неясностей в этой среднеазиатской социальной проблеме, является не всегда правильное пользование терминами, обозначавшими различные социальные группы крестьян в позднейшее время. Понимание социальных терминов осложняется еще тем, что одна и та же категория крестьян обозначается по-разному в литературе и среди самого населения; кроме того, значение одного и того же термина в разных районах и в различные исторические периоды не совпадает. Бывает и так, что одна и та же категория крестьян имеет различное название в одно и то же время и в одном и том же месте. И наконец, серьезным препятствием для правильного понимания не только терминов, но на их основе и социальной действительности является все более распространяющееся понятие о крестьянах как издольщиках государства, а об их отношениях (крестьян с государством) — как арендных.

Таким образом, понимание и интерпретация терминов, особенно старых (колониального периода), осложнились, что объяснялось и новым содержанием их, и тем, что одно и то же слово (даже старое) в разных районах применялось к различным категориям.

В данной статье мы ставим себе только одну задачу: выявить и систематизировать термины, обозначающие издольщиков в конце XIX — начале XX в., и, таким образом, установить различные социальные категории среди земледельцев общины. Так как определение социальной градации земледельцев представляет для нас особый интерес в связи с исследованием состояния сельской территориальной общины, то нам важна здесь не столько общая характеристика социальных категорий в целом по той или иной области, сколько рассмотрение положения различных групп земледельцев в общине и связь их с ней. Изучение классовой дифференциации внутри общины дает возможность проследить пути и формы разложения ее в условиях Средней Азии, где вплоть до социалистической революции сохранялись патриархально-феодалы, а в ряде мест и общинные пережитки и где од-

новременно начали развиваться капиталистические отношения.

Основными материалами для освещения поставленной задачи являются литературные сведения и письменные земельные документы Бухарского и Кокандского ханств, а также наши полевые материалы, собиравшиеся с 1952 г. в Ферганской долине, Самаркандской области, в верховьях р. Кашкадарьи и Ташкентском оазисе.

* * *

В Средней Азии встречается довольно много различных терминов, обозначавших земледельцев. При этом в официальных документах (чаще всего) или нарративной литературе те или иные социальные категории обозначались одними терминами, а в обычной народной речи — другими. Наиболее часто встречающимися терминами являются: райоти или райое, дехкан, посиракор, коранда, чайрикор, шерик или тенг-шерик, кошчи, науча, шакар и т. д. В земельных же документах в основном встречаются термины райоти, коранда и дехкан.

В различных хозяйственных документах Бухарского ханства (от Бухары — Самарканда до Ура-Тюбе) XVI—XIX вв. термином коранда обозначали земледельцев². Переводчики и комментаторы этих документов, О. Д. Чехович и А. Мухтаров, не указывают на различия в значении этих терминов и в положении самих крестьян. Этот термин употреблялся независимо от того, сидели ли крестьяне на государственной, вакуфной, или частной земле, или даже «обеленной», т. е. освобожденной от налогов и повинностей в пользу государства. В ряде местностей (Камонгарон, Харосин), расположенных недалеко от Ургута (к юго-востоку от г. Самарканда), все коранда в отдельности или определенные группы их имели свои земли, которыми распоряжались сами. Они платили налоги государству и выполняли все повинности. На «обеленных» землях коранда также не освобождались от налогов и повинностей, но все эти сборы шли в пользу того человека, которому эти земли были пожалованы или которым были выкуплены у государства в результате уступки казне $\frac{2}{3}$ своих земель.

В документах, освещающих земельные отношения, где употреблялся термин коранда, отсутствует слово «аренда» (ичора) и не указывается на какие-либо доли и права сторон, что обычно бывает в арендных документах (в них приводится размер арендуемого участка, условия аренды и, кроме того, вместо слова коранда выступает арендатор — музорои бин нисф — испольщик). Из этих материалов можно заключить, что перед нами обыкновенные крестьяне.

А. А. Семенов же утверждает, что в Ташкентской области коранда были арендаторами, и даже исполщиками. Однако из приведенных им же материалов невозможно вывести подобное заключение. Так, в документах о повторном утверждении ряда земель за ташкентским шейхом Арифханом указываются земли, с которых при первом утверждении коранда платили налог в размере $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{5}$ части урожая в пользу казны; теперь же наряду с другими сборами этот налог передавался Арифхану; причем такие же налоги платили ему и с соседних участков, которые обрабатывались городским населением (в документе они названы райё — крестьяне), по-видимому, переезжавшим на лето на свои загородные земли.

В документах о пожаловании земель кулябского селения Тутун термин коранда дается также в значении исполщик (в уплате налогов коранда становились ответственными перед жалующим лицом, налоговые же обязательства остались прежними)³.

Термин коранда встречается и в документах об удельных землях хасс, или хассалык, кокандского хана⁴. А. Л. Троицкая, исследовавшая эти документы, считает коранда издольщиками и издольщиками арендаторов (чикчи), т. е. субарендаторами удельных земель. Арендаторами выступали чикчи, арендовавшие участок (чик) удельных земель, или представители сельской администрации. Сидевшие на этих землях коранда, чикчи, и арендаторы из администрации платили одинаковый налог-харадж в размере $\frac{1}{3}$. Все они — каждый непосредственно, или через руководителя группы чикчи, или коранда, или же через специального ханского чиновника, кормящегося с данного чика и потому назначенного здесь сборщиком налога, — получали ссуды в виде семян (в основном риса), которые высчитывались затем с урожая отдельно от налога.

Из изложенного выше видно, что чикчи, вся сельская администрация и коранда — все они являлись арендаторами удельных земель из доли урожая, идущего хану в виде налога-хараджа, иными словами, между ними не было никакой разницы. По мнению А. Л. Троицкой, все эти три группы были арендаторами — издольщиками хана. Если согласиться с мнением автора, то становится неясно, платился ли государственный налог, или ханские земли были полностью освобождены от него. Далее, нет оснований какую-то часть коранда считать субарендаторами (у чикчи), так как ни один документ не дает сведений о взаимных расчетах между ними; кроме того, в документах имеются указания на идентичность этих терминов (коранда и чикчи), они часто заменяются один другим или употребляются вместе. А. Л. Троицкая считает также, что кокандские коранда были издольщи-

ками руководителей групп — туб (объединение нескольких коранда), во главе которых стояли различные административные лица и отдельные коранда. С нашей точки зрения совместный труд коранда и руководителей групп туб не может быть доказательством того, что кокандские коранда являлись издольщиками руководителей этих групп. Дело в том, что такие объединения, и каршинские пайкалы, на которые ссылается А. Л. Троицкая, и зеравшанский кош⁵ возникали вследствие недостатка скота и рабочих рук, существования определенных очередностей водопользования, агротехники и полеводства, требовавших одновременности работ от всех крестьян, независимо от их социального положения.

По материалам и документам, использованным нами, коранда, по-видимому, понимается как бедная часть крестьян, обрабатывавшая государственные земли и получавшая различные ссуды, за которые расплачивалась позднее. Если коранда выкупали эту землю, то переходили в другую категорию крестьян — дехкан. Соответственно этому изменялся и размер налога — коранда платили $\frac{1}{3}$ часть урожая, а дехкане — $\frac{1}{5}$ ⁶.

Наряду с коранда в документах нередко встречается и термин райое, раайо, всеми авторами переводимый — крестьяне. Вообще же райое обозначал податное сословие, как городское, так и сельское⁷. Вопреки общему мнению лишь М. А. Абдураимов райое считает издольщиками⁸. Как коранда, так и райое занимали и государственные, и частные земли и платили различного размера налоги ($\frac{1}{10}$; $\frac{1}{5}$; $\frac{1}{4}$; $\frac{1}{3}$ части урожая)⁹.

Таким образом, приведенные официальные документы о земельных сделках, происходивших здесь до установления русской власти, дают некоторые сведения об отношениях между государством и крестьянами (податном сословии), известными под терминами коранда, райое и фукара. Все они платили налог-харадж хану или тому лицу, которому он был пожалован с данной земли; при этом ни государство, ни сами крестьяне не считали себя арендаторами — издольщиками государства. Земельные же отношения между различными категориями крестьян документы не отражали, возможно из-за того, что арендный договор заключался устно, хотя и при свидетелях, и в общественном месте.

Основными материалами, освещающими положение крестьян в конце XIX — начале XX в. и отношения между их различными социальными группами, являются материалы этнографические, собранные среди населения и полученные от местной администрации различными русскими дореволюционными деятелями, а также советскими учеными. Эти материалы особенно ценны потому, что они отражают земельные отношения именно крестьян и позволяют, хотя и не всег-

да полно, определить их различное положение не только фактически, но и терминологически.

По различным сведениям, к началу XX в. в рассматриваемых долинах крестьяне принадлежали, как упоминалось выше, к следующим категориям: дехкане, посиракор, коранда, чайрикор, шерик, кошчи, науча. По своему социальному значению эти термины разделялись на две неравные группы. К дехканам и коранда относились самостоятельные крестьяне-землевладельцы; под остальными терминами подразумевались издольщики, получавшие различную долю урожая или иную форму натуральной оплаты за аренду и обработку чужой земли.

Л. И. Бродовский, описавший земледелие в Самаркандской области во второй половине XIX в., характеризует дехкан как богатых владельцев больших участков земли, в центре которых располагалась летняя садовая усадьба. Дехканское хозяйство отличалось и системой ведения полеводства¹⁰. По материалам, собиравшимся нами в Зеравшанской долине (средняя часть) и в верховьях р. Кашкадарьи, дехкане также являлись состоятельными крестьянами — бадавлат, узига тинч одамлар эди (букв. богатые, не знающие забот, спокойно живущие люди).

По представлению наших информаторов, критерием для определения дехкан служило использование ими труда издольщиков, реже — наличие у них пары волов. Если крестьянин держал хотя бы одного издольщика, то его относили к дехканам. Количество издольщиков показывало степень его зажиточности. Обладание полной упряжкой волов, и особенно тремя и более волами, также давало основание причислить крестьянина к группе дехкан. Это объяснялось тем, что наличие достаточного количества скота создавало крестьянину значительное преимущество и ставило других в зависимость от него. Крестьян, не имевших издольщиков или полной упряжки рабочего скота и обрабатывавших землю силами своей семьи и с помощью односельчан (альгоулашиб), информаторы неуверенно и неохотно называли дехканами. На попытку найти определение этой группе они отвечали, что, наверно, этих коранда также можно отнести к дехканам, но они не знают, будет ли это правильно, так как таких крестьян не считали и не называли издольщиками. В Шахрисабзском оазисе (верховья р. Кашкадарьи) попытка причислить дехканина к коранда или сравнить их между собой вызвала у местных жителей возмущение незнанием подобной, с их точки зрения, элементарной истины — разницы между дехканами и коранда.

Однако в этом же районе в предреволюционное время издольщик выступал уже как коранда. Но он не являлся арендатором полевой земли, он был жителем города и работал в

загородном саду горожанина за третью часть урожая фруктов, табака и всего, что выращивалось им в этом саду.

Категория дехкан выделялась среди крестьян и в Ферганской долине, хотя и не столь четко, как это мы видели в Зеравшане и Шахрисабзе. Они отмечены на ханских землях, доход с которых шел на содержание двора, дворцовой челяди и части войска. Эти дехкане в отличие от работавших на тех же землях коранда платили налог-харадж — всего $\frac{1}{5}$ доли урожая. По-видимому, и здесь они являлись более самостоятельной частью крестьян, если добились уменьшения налога путем покупки обрабатывавшихся земель. В заявлении хану эти крестьяне особо подчеркивали свое положение, указывая ему, что теперь они стали дехканским податным сословием¹¹. Среди различных групп крестьян Ферганской долины А. Миддендорф упоминает и дехкан, однако он не дает какого-либо объяснения этого термина¹².

В Кураминском уезде (примерно современная Ташкентская область) крестьян, обрабатывавших более 5 тапанов земли (около 1 га), называли дехканами еще во второй половине XIX в. По местным хозяйственным условиям их считали крупными землевладельцами¹³. В своих поездках по этой области мы неоднократно слышали утверждение, что дехканами были жившие спокойно землевладельцы. Однако в обычном разговоре информаторы совершенно незаметно для себя причисляли к дехканам и небогатых крестьян. И тем не менее дехканина они четко отличали от арендатора земли. Для ферганского информатора критерием для определения дехканина была земля, а не наличие у него того или иного количества издольщиков, как это было на Зеравшане.

Что дехкане являлись более самостоятельной частью податного сословия, показывает также их место среди перечисляемых категорий населения, должностных лиц, к которым хан или правители областей обращались в различных документах о земельных сделках и сборе налогов. Коранда обычно вообще не упоминались или же, в редких случаях, ставились на последнее место и то не раньше дехкан.

В XX в. положение и соотношение дехкан и коранда настолько изменилось, что это явление получило и терминологическое оформление. Зажиточные крестьяне позднего времени — это крестьяне, которые свой первоначальный надел умножили путем скупки земель у своих же односельчан или в других местах. Одновременно они занимались торговлей, ростовщичеством, подрядничеством, причем глава такого хозяйства обычно не трудился на земле и даже не руководил земледельческими работами; последними ведал один из его ближайших родственников. Кроме того, такие хозяйства отказывались почти полностью от «помочей» односельчан-общинников. Излишки земли дехкане по-прежнему сдавали в

аренду издольщикам, но наемный труд стал получать все большее значение, чем труд издольщиков и соседей, созданных на помощь. Таким образом зажиточные землевладельцы-дехкане оторвались от общины и являлись уже представителями торгово-ростовщической предпринимательской прослойки. В Ферганской долине такую категорию землевладельцев стали называть не дехканами, а баями.

Однако и здесь слово дехкан не исчезло полностью; оно было перенесено на самостоятельных, хотя и не зажиточных, крестьян, которые не имели издольщиков и часто вступали в различные трудовые объединения между собой и другими общинниками.

В Зеравшанской долине зажиточных землевладельцев называли тем же старым термином дехкане, но к нему обязательно прибавляли слово бай или саудагар, что означало богатый или торговец-дехканин. Для остальных самостоятельных крестьян, как и в Фергане, сохранялся термин дехканин, который, однако, здесь употребляли не совсем уверенно.

В настоящее время историки, экономисты и этнографы называют всех крестьян (даже в прошлом) дехканами, включая в их число безземельных и даже наемных рабочих, игнорируя при этом историческую эпоху и хозяйственно-культурные районы.

Что касается термина коранда, то в Зеравшанской долине он почти полностью вышел из употребления. В Шахрисабзе и Ташкентском оазисе коранда — это садовник-издольщик, а в Ферганской долине — арендатор полевой земли из доли урожая. Распространение термина коранда в Фергане зафиксировано нами довольно широко, от Андижана — Балыкчи и Яккаута — Заркента (около Маргелана) — на востоке до Сохской ирригационной системы в Кокандском уезде — на западе включительно.

Обычно коранда являлись членами той общины, где арендовали землю. В селении у них было свое небольшое хозяйство: дом с усадебным участком, занятым садовыми насаждениями, огородными культурами и клевверником. Вокруг селения располагались небольшие участки их полевых земель, как и у всех остальных общинников. Основные культуры, которые они возделывали на своих землях, были пшеница, джугара (на западе), кукуруза (на северо-востоке) и хлопок (всюду). Рис они засевали в пойменных низинах каждой водной системы, но основным рисоводческим районом являлась восточная часть долины (Скобелевский и особенно Андижанский уезды). Арендованную землю обычно занимали хлопчатником и рисом.

Во время раздела урожая коранда получал с арендованной земли, т. е. с хлопка, риса, джугары или кукурузы,

$\frac{1}{3}$ урожая. При определении доли каждой стороны исходили из трех главных факторов — земли, рабочего скота и труда, каждый из которых составлял одну долю урожая — тан. Возникавшие в течение сезона необусловленные хозяйственные расходы практически изменяли размеры доли коранда, а следовательно, и сдатчика земли. Эти расходы оплачивались в разное время и в разных формах, в том числе осенью из урожая. При договоре же учитывались только три указанных выше фактора.

По сведениям старых мирабов и аминов, т. е. людей, связанных со сбором налогов, коранда, как и все крестьяне, платил налог-харадж в размере $\frac{1}{5}$ части урожая со всех полевых культур. Помимо этого он отдавал $\frac{1}{3}$ часть за аренду земли ее владельцу и $\frac{1}{3}$ — за рабочий скот. Раздел урожая — хирман происходил так: вначале откладывали «божью» часть — хакулла (для «очищения» тока с зерном), затем — налог государству, после этого — доли различных общинных обслуживающих и административных лиц и только потом оставшееся зерно распределялось между землевладельцем и его издольщиком.

Указанный порядок в основных чертах осуществлялся по всей Средней Азии. Судя по правилу раздела урожая, в уплате налога и общинного обслуживания участвовали все крестьяне, а не только издольщики, как это утверждают некоторые авторы¹⁴.

С течением времени термин коранда совсем вышел из употребления. В XX в. во всех уголках Средней Азии стал известен термин чайрикор. В документах более раннего времени он почти не встречался. Слово «чайрикор» означает издольщика, получавшего $\frac{1}{4}$ часть урожая. Однако действительные размеры его доли на практике колебались от $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{5}$ части урожая. Эти колебания зависели от разных обстоятельств.

В Фергане термин чайрикор употребляли всюду, а в районах распространения термина коранда он стал употребляться вместо последнего. Издольщик-чайрикор восточной Ферганы, как и коранда на западе, являлся членом общины, имел небольшой участок земли и свое хозяйство, а иногда одного рабочего вола. Состав возделывавшихся им культур был аналогичен тому, который установился на западе, но сочетание их различалось — здесь преобладали рис и кукуруза. В районах интенсивного земледелия, каковым являлась пойменная часть рек Карадарьи и Сырдарьи в Андижанском уезде, чайрикеры получали $\frac{2}{5}$ урожая. При определении долей сдатчика земли и его чайрикора мы не обнаружили той четкости в обосновании норм каждой стороны, какую видели в случае с коранда. Хотя и здесь также учитывали три фактора — землю, рабочий скот и труд человека, однако урожай

делили на пять частей, из которых чайрикору давали две доли, а землевладельцу — три.

Мы не нашли объяснения этому обстоятельству в литературе. По мнению информаторов-земледельцев и мирабов, большая доля чайрикора на востоке Ферганы по сравнению с долей в других районах обуславливалась тяжестью работ на землях этих довольно заболоченных мест. И действительно, в западной, Кокандской, части Ферганы, где такой заболоченности не было, норма оплаты издольщика была ниже — $\frac{1}{3}$, а доля в $\frac{2}{5}$ отсутствовала полностью¹⁵. Из расчета $\frac{2}{5}$ части урожая особенно много земли сдавалось в двух соседних уездах — Андижанском и Наманганском, где 49,7% и 48,3% всех сданных земель отдавалось издольщикам за $\frac{3}{5}$, а следовательно, арендовалось ими за $\frac{2}{5}$ части урожая¹⁶. В среднем по области такие земли составляли 33,5%, иными словами, земли, арендованные издольщиками за $\frac{2}{5}$ части урожая, занимали второе место.

Положение издольщиков-чайрикоров в Зеравшанской долине довольно резко отличалось от ферганских издольщиков. Как мы уже отмечали, здесь не сохранился термин коранда для обозначения издольщика, в Зеравшане почти всюду употребляли термин чайрикор. Лишь в западной половине Мианкальского междуречья, т. е. в районах Пайшамба, Иштыхан, Каттакурбан вместо чайрикор нам довелось услышать термин науча. Старики утверждали, что в обыденной жизни крестьяне называли издольщиков термином науча, причем большей частью своих, арендовавших земли в той же общине.

Зеравшанский чайрикор в отличие от некоторых других категорий издольщиков, а также ферганских чайрикоров получал от землевладельца скот, продовольствие, очень часто денежную ссуду, одежду и, если он был пришлый, — жилище. В ряде случаев он работал на обособленном участке один, в других — с хозяином или нередко с другими чайрикорами.

В зависимости от размеров и качества участка, от возделывавшихся культур, от числа людей, работавших на данном участке, доля чайрикора менялась. В переписях 1917 г. даны следующие доли чайрикоров: $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и даже $\frac{1}{15}$ ¹⁷. Поземельно-податные комиссии в основном зафиксировали $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{10}$ доли, редко — $\frac{1}{6}$ ¹⁸. В своих поездках по Самаркандской области мы отметили лишь $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$ и редко $\frac{1}{6}$ части урожая; при этом основной причиной различия долей выступали качество и размер земли. Налог, семена и возникавшие расходы распределялись между обеими сторонами пропорционально долям каждого, так как высчитывали их до раздела урожая. Таким образом, чайрикор, получавший $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{6}$ урожая, вкладывал лишь свой личный труд. Нередко такие издольщики являлись членами той общины, где они арендовали

чужую землю или землю, принадлежащую родственнику, но в основном жителю того же селения. Бывало, что земли, числящиеся за одной общиной, продавали члену другой. Количество хозяйств, сдававших земли в издольную аренду чайрикорам, в Самаркандской области достигало 41% в среднем, в Ферганской долине таковые не превышали 30—32%¹⁹.

Под термином чайрикор выступала еще одна категория издольщиков, существовавшая в обеих рассматриваемых долинах. Эти издольщики покидали свою общину, а следовательно свой дом и хозяйство, и находили себе работу в чужих краях. На месте работы они являлись пришлой частью населения. В литературе и даже в хозяйственных переписях пришлые издольщики не выделялись особо, более того, они регистрировались как арендаторы земли наряду с половинщиками и другими издольщиками, являвшимися местными крестьянами²⁰.

Пришлые издольщики работали на чужбине в течение одного хозяйственного года, т. е. девять месяцев, после чего возвращались в свою семью и общину.

В поисках работы уходили в основном жители предгорий и гор, спускаясь в долину. В Фергане наибольший поток издольщиков двигался с предгорных кишлаков северного берега Сырдарьи (Наманганская обл.) на юго-восток долины, большей частью в сторону Андижана, а также в Ташкентскую область (бывший Кураминский уезд). Люди шли в одиночку, нередко группами, которые собирались даже из нескольких соседних кишлаков. В зависимости от ряда обстоятельств землевладельцы принимали их на работу, договариваясь с ними или на рынках труда, имевшихся в крупных торговых центрах, или у себя в кишлаке — в мечетях, в своих мехмонхонах, и обязательно при свидетелях.

Так как пришлые чайрикоры могли предложить исключительно свой личный труд, то получаемая ими доля была ниже, чем у местных. Например, в Зеравшанской долине пришлые получали лишь $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{8}$ долю, но не $\frac{1}{6}$, как местные, в Фергане же им выделяли обычную норму, в основном $\frac{2}{5}$ доли, но так как часть хозяйственных расходов ложилась и на издольщика, то ее впоследствии высчитывали из его доли. Нередко такие издольщики окончательно переселялись на новые места и становились местными жителями, членами новой общины и, если их было много, образовывали свой квартал. Возможно, эти обстоятельства среди многих других причин и объясняют широкое распространение одинаковых названий кишлаков и особенно их кварталов в определенных частях долины (Кияли, Охчи, Заркент, Турбат и др.).

В Зеравшанской долине наблюдалось аналогичное положение, т. е. в чайрикоры шли вниз, в долину, из предгорных

районов Нураты, Фориша — на севере и с Зеравшанских гор — на юге. Основным местом их сбора являлся г. Самарканд, куда они приходили ко времени весеннего новогоднего праздника Афрасиаб-саил, и другие более крупные центры. Иногда они шли прямо в кишлаки.

Остановимся еще на одной категории издольщиков, повсеместно известной только под одним термином шерик (букв. половинщик). Как правило, при работе на условиях шерик (испольщина-шерик) обе стороны получали одинаковые доли урожая и все расходы делили пополам. В отличие от чайриков и коранда издольщиком-половинщиком мог быть лишь довольно самостоятельный крестьянин, имевший свой рабочий скот. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев издольщик-шерик брал землю для обработки в своей общине. Чаще всего это были земли, принадлежавшие крестьянам из соседних кишлаков и даже более отдаленных мест, что, конечно, не исключало аренды земли у своих членов общины. В издольные отношения на условиях половины урожая вступали чаще всего середняцкие хозяйства, а чайрикоры или коранда были связаны с группами крестьян, владевшими значительными землями.

Не вступая здесь в дискуссию об указанных издольных отношениях в Средней Азии, мы отметим лишь существование нескольких точек зрения на этот вопрос. По мнению одних ученых, все землевладельцы-крестьяне являлись арендаторами у государства²¹. С другой стороны, все аренды-сдачи земли классифицируются как сделки о возделывании земли, а арендные отношения — как исключительное явление²². Нам представляется, что следует отличать взаимоотношения между государством и крестьянами от отношений, возникавших между крестьянами вследствие их различного хозяйственного положения. Кроме того, по-видимому, невозможно рассценивать все виды издольных отношений как договор о возделывании земли. Чайрикор, дополнявший недостающие ему средства производства, например землю, путем получения ее от другого лица на определенных условиях, едва ли может быть приравнен к так называемому чайрикову, который, не имея этих средств вовсе и даже уходя из своего дома, искал на стороне возможности приложения своего труда, т. е. он продавал свой труд на рынке. Подобные издольщики-чайрикоры, скорее, должны быть отнесены к категории сроковых рабочих, оплачивавшихся, однако, по-старому — натурой из доли урожая.

Для определения значения и роли издольных отношений в социальной и экономической жизни сельской общины мы не можем ограничиться рассмотрением только форм издольщины. Необходимо также выяснить степень распространения этих форм и соотношения их между собой, а также место

издольщиков и их взаимоотношения с остальными ее членами.

В интересующих нас долинах, как и во всей Средней Азии, к аренде земли прибегали большей частью малоземельные бедняки, как это было и в России²³. Бывали и такие случаи, хотя и редко, когда богатые крестьяне, обычно имевшие лишний рабочий скот, арендовали землю с целью сдачи ее чайрикорам. Часто землю сдавали и бедняки. К сожалению, такой ценный и единственный источник, как сельскохозяйственные переписи 1917 и 1920 гг., не позволяют установить экономическое положение арендаторов и сдатчиков земли, а также градацию каждой из этих двух категорий крестьян.

Тем не менее из материалов переписи ясно, что аренда земли была распространена в большей мере, чем ее сдача. Из этого, по-видимому, можно заключить, что в издольные отношения вступали в основном бедняки.

Издольные и арендные отношения, а также привлечение рабочих для обработки земли различались в соответствии с хозяйственным направлением того или иного района, с расположением его на ирригационной системе и по другим причинам. В целом в Зеравшанской долине издольные отношения были развиты значительно меньше, чем в Ферганской. В первой процент арендующих (издольно) хозяйств еле достигал 3 (2,5 — 2,8%); во второй (Ферганской долине) такие хозяйства составляли 13,8% (сдача земли в этих долинах соответственно равнялась 4,2 и 18,7%)²⁴.

Таким образом, степень распространения издольных отношений была выше в Фергане и меньше развита на Зеравшане, иными словами, интенсивность земледелия, характерная для Ферганской долины, увеличивала аренду-сдачу земли и, следовательно, больше разрушала социальное единство крестьян внутри общины.

Не меньшее различие наблюдалось и между районами внутри каждой из долин. Эти различия весьма примечательны не только с точки зрения развитости издольных отношений, но и их форм, и особенно размеров оплаты издольщиков. Из четырех уездов, на которые разделялась Ферганская долина, особенно сильно издольные отношения были развиты в Андижанском уезде (19,6%), затем в Ферганском (14,5%), Кокандском (10,3%) и Наманганском (0,1%), т. е. на востоке долины и к юго-востоку от р. Сырдарьи. Как уже указывалось, это была та самая часть долины, где отмечался особый наплыв издольщиков.

Особый интерес в этом отношении представляет соотношение различных форм издольщины в каждой из этих частей (уездов) долины. В восточной половине долины, т. е. в Андижанском, Ферганском и Наманганском уездах, большая

часть издольщиков-чайриков получала $\frac{2}{5}$ доли урожая. Такие хозяйства достигали 49,7, 48,3 и 36,1% всех арендовавшихся хозяйств соответственно уездам. В той же мере здесь практиковалась испольщина-шерик — 29,1, 46,2, 36,2%. Издольщина из $\frac{1}{3}$ части урожая, т. е. коранда, составляла — 11,0, 18, 23,7%. Таким образом, в районе, особенно привлекавшем рабочую силу из других мест, отмечаются и более высокие нормы издольщиков-арендаторов, и их значительная распространенность. Что касается западной Ферганы, т. е. Кокандской части, то здесь вопреки широкому распространению термина коранда оплата из $\frac{1}{3}$ урожая не превышала 3,6%²⁵, т. е. издольщина на этих условиях, известная под термином коранда, была здесь меньше, чем на востоке, где этот термин почти не знали. Оплата издольщика из $\frac{2}{5}$ урожая, т. е. типа восточного чайрикерства, на западе отсутствовала полностью, здесь существовала в основном испольщина-шерик (85%). Северная часть долины — Наманганский уезд совершенно отличался от других уездов по степени распространения издольных арендных отношений — по сравнению с остальными частями долины здесь практически не было (0,1%) издольных аренд-сдач земли, однако по распространенности норм издольщиков он напоминал восточную половину долины (Андижанский и Ферганский уезды). Здесь долю в $\frac{2}{5}$ получало также 48,3% хозяйств, в $\frac{1}{3}$ — 18 и в $\frac{1}{2}$ долю — 46,2%.

Итак, в Ферганской долине самой распространенной долей, получаемой издольщиками, являлась $\frac{1}{2}$ (всюду), затем $\frac{2}{5}$ (на востоке). Доля же в $\frac{1}{3}$, хотя и была известна всюду, не имела особого удельного веса. Доли $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{4}$ получали только на окраине долины, откуда в основном и уходили крестьяне в чайрикоры в другие места.

К сожалению, материалы переписи 1917 г. не освещают социальные отношения в Зеравшане столь детально, как в Фергане. Поэтому хотелось бы добавить результаты исследования Б. А. Лыко. Этот автор приходит к выводу, что в Зеравшане преобладала испольная форма аренды над всеми остальными, т. е. шерик, следующей нормой издольщика являлась $\frac{1}{3}$ части урожая, составлявшая 0,01—2% всех аренд. $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{6}$ доли не приводятся ни переписями, ни Б. А. Лыко; возможно, они вошли в графу «прочие доли», равнявшиеся 2%²⁶. Однако местное население, рассказывая о формах землепользования в дореволюционное время, сообщает только об $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{6}$ долей.

Положение крестьян внутри селений или квартала, население которого составляло одну сельскую общину, было самым различным. Одни крестьяне не имели земли, достаточной для ведения хозяйства и содержания семьи, у других ее было в избытке, у третьих размер земли соответствовал

количеству членов их семьи. В Фергане, где одна семья состояла в среднем из четырех-пяти человек, земельный надел в 1,5 га обеспечивал самостоятельное ведение хозяйства, без аренды. Такие крестьяне составляли 32% в общинах Андижанского уезда, что в абсолютных величинах дает 50 хозяйств от общего числа (152). Малоземельные же крестьяне, в том числе и не имевшие вообще посевов, т. е. и полевых наделов, составляли 44,8% всех членов (домохозяев общины). Недостаток земли особенно остро чувствовался в не раз упоминавшейся северной окраине долины, по берегам Сырдарьи, где арендные отношения были мало развиты. Причина такого положения теперь понятна: люди уходили оттуда в чужие края, а именно на юго-восток (или в Ташкентскую область), где имелся избыток земли и нормы оплаты были значительно выше, чем у себя на родине. Это подтверждается также незначительным числом крупных землевладельцев в этом районе, а главное общим малоземельем²⁷.

О разделении зеравшанских крестьян по размерам земле-владения в общине имеется мало материалов. Даже сельскохозяйственные переписи отмечают лишь группу безземельных и беспосевных. Таковых здесь было немного — 1,5 и 2,5%²⁸, причем процент таких хозяйств увеличивался с востока (Джизакский уезд) на запад (Самаркандский и Каттакурганский уезды) и колебался от 0,1 до 0,7 (безземельные) и от 4,3 до 14,2 (беспосевные) соответственно²⁹.

По исследованию Б. А. Лыко, крестьяне, владевшие наделом до 1 га, составляли 19—47%, до 2 га — 12,7—23,7, до 3 га — 9—14, до 4 га — 5,8—9,5, до 5 га — 3,5—8,0%³⁰. Отсюда видно, что в общинах интенсивных районов число хозяйств, владевших менее 1 га, достигало $\frac{1}{3}$. Почти все остальные крестьяне вели хозяйство самостоятельно, без аренды чужой земли (67—70%).

Крестьяне, арендовавшие землю на условиях шерик или чайрикор и коранда, вступали с остальными крестьянами, ведущими хозяйство только на своей земле и силами своей семьи, в самые различные трудовые объединения, возникавшие вследствие недостатка рабочей силы или рабочего скота, реже — сельскохозяйственных орудий. Время работы и круг участников трудовых групп определялись в каждой общине в зависимости от характера полевых работ, видов недостающих средств производства, от расположения наделов в поле и от родственных связей. Однако, каковы бы ни были состав работавших и время работы, эти объединения в Зеравшанской долине являлись постоянной единицей — кош; на их основе вели счет общей площади общины и доли воды, отпускавшейся на головных распределителях при очередности водопользования. Каждая такая группа управлялась выборным

главой, представлявшим своих членов перед общиной и официально властями. Внутри группы каждый член имел свой определенный надел в одном или нескольких участках, расположенных в разных местах. Однако все члены группы трудились вместе, выполняя те или иные работы по указанию своего руководителя. При выполнении же совместных работ всей общиной (по чистке ирригационных систем, дорожной повинности) каждый член общины участвовал в них независимо от своего экономического положения и от того, являлся ли он арендатором, или вел самостоятельное хозяйство.

Положение члена общины в Ферганской долине было такое же, как и в Зеравшане. Разница заключалась лишь в том, что здесь уже не сохранилось строгости и четкости организации трудовых объединений и не было выборного главы. При необходимости совместных работ (это существовало здесь постоянно) их организовывал каждый крестьянин отдельно, приглашая к себе определенный круг людей.

Трудовые объединения возникали обычно между мало-земельными и середняцкими группами, а также внутри каждой из них. В них участвовали и различные издольщики, члены данной общины: шерики, коранда и чайрикеры. Они с помощью других крестьян обрабатывали не только свои земли, но и арендные. В несколько ином положении находились пришлые издольщики-чайрикеры, которые не имели своей земли в данной общине. Как правило, они не вступали в трудовые связи с местными крестьянами, так как землевладельцы, нанимавшие чайриkerов, делали это с таким расчетом, чтобы вести свое хозяйство без помощи односельчан. Если же такие чайрикеры при выполнении спешных и трудоемких работ нуждались в помощи, то они либо объединялись с другими пришлыми работниками, либо землевладелец нанимал им в помощь поденщиков и других сроковых рабочих за денежную плату. Пришлые чайрикеры выполняли только полевые работы, за что получали долю выращенного ими урожая. Они не участвовали в коллективной работе всей общины по очистке ирригационных систем и в выполнении других натуральных повинностей, падавших на общину. В отличие от местных эти чайрикеры не устраивали и весеннего обряда, посвященного первому выводу рабочих волов на поле.

В случае, когда чайрикер по какой-либо причине оставался в данном месте на постоянное жительство, то он, как и другие, становился членом общины и принимал на себя все ее обязанности.

В заключение следует сказать, что история терминов, различия долей издольщиков в разных районах, сложение новых категорий издольщиков, называвшихся старыми терми-

нами, — все это показывает усиление классовой дифференциации в XX в. по сравнению с прошлым периодом.

Несмотря на большую связь среднеазиатских крестьян с землей и меньшее развитие наемных форм труда, сельская община здесь, как и в России, распадалась в результате ее внутреннего расслоения на отдельные антагонистические группы — бедняков, потерявших земли, и обособившихся от общины крупных землевладельцев.

¹ Экономическая характеристика колониального периода Средней Азии дается в следующих работах: «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 258—260, 266—269; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, Ташкент, стр. 110—114; «История таджикского народа», т. II, М., 1964, стр. 149—151 и др.; «История Киргизской ССР», т. I, Фрунзе, 1968, стр. 374, 377—378, 409; А. М. Аминов, Экономическое развитие Средней Азии, Ташкент, 1959.

² О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX в., Ташкент, 1954, стр. 67, 74—76, 99, 150—157, 192—195, 198, 201, 202; А. Мухтаров, Материалы по истории Ура-Тюбе, М., 1963, стр. 14, 21, 56.

³ А. А. Семенов, Очерки поземельно-податного налогового устройства Бухарского ханства, — «Труды Среднеазиатского государственного университета», сер. II, вып. I, Ташкент, 1929, стр. 29.

⁴ А. Л. Троицкая, Материалы по истории Кокандского ханства XIX в., М., 1969, стр. 4, 5, 24—28, 73, 85—87, 102, 103, 113, 131, 134. Автор считает, что земли хассы являлись «удельными, коронными» и поэтому крестьяне, обрабатывавшие их, выступали как арендаторы хана. Однако некоторые исследователи не согласны с А. Л. Троицкой (В. М. Плоских, Очерки патриархально-феодальных отношений в южной Киргизии, Фрунзе, 1968, стр. 52—53; А. А. Семенов, Очерки..., стр. 40).

⁵ А. Л. Троицкая, Материалы...

⁶ А. Л. Троицкая, Материалы..., стр. 73, 95, 97.

⁷ О. Д. Чехович, Документы..., стр. XII; А. Мухтаров, Материалы по истории Ура-Тюбе, М., 1963; «История народов Узбекистана», т. I, стр. 310, 337, 361—362; А. А. Семенов, Очерки..., стр. 29; И. П. Петрушевский, О формах феодальной зависимости крестьян в XIII—XIV вв., — «Советское востоковедение», 1955, № 5, стр. 100. В Средней Азии податное сословие и вообще жители назывались также фукара («Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966, стр. 35, 78; В. В. Бартольд, Киргизы, т. II, ч. I, М., стр. 532; О. Д. Чехович, Документы..., стр. 182, 206, 245, 256).

⁸ М. А. Абдураимов, О некоторых категориях феодального землевладения и положения крестьян в Бухарском ханстве в XVI — начале XIX в., — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1964, № 7, стр. 34, 37.

⁹ А. А. Семенов, Очерки..., стр. 29; А. А. Егани, Документы к истории аграрных отношений в северных районах Таджикистана в XVI — начале XX в., Душанбе, 1968, стр. 25 (автореф. дисс.).

¹⁰ Л. И. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, — «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 238—242.

¹¹ А. Л. Троицкая, Материалы..., стр. 73.

¹² А. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1882.

¹³ М. А. Терентьев, Статистические очерки Среднеазиатской России, СПб., 1874, стр. 96.

¹⁴ Известно, что некоторые группы населения (например, ходжа и определенная категория феодалов) были освобождены от налогов в ханское

время. Однако нет никаких сведений в документах и литературе об освобождении крестьян. Последние платили налог феодалам, а не государственным чиновникам (А. А. Семенов, Очерки...; О. Д. Чехович, Документы..., и др.).

¹⁵ «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», вып. 2, Самарканд, 1925, табл. 2, § 61, № 24, стр. 41 (далее — «Материалы...»).

¹⁶ Там же, § 61, стр. 35, 41, 47. Следует иметь в виду, что из-за опечаток здесь, по-видимому, неверно указаны нормы долей урожая за сдачу земли — $\frac{2}{5}$ и даже $\frac{1}{5}$ вместо $\frac{3}{5}$; правильность нормы в $\frac{3}{5}$ подтверждает таблица 1, § 120, 121, стр. 28.

¹⁷ Б. А. Лыко, Итоги сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. по Самаркандской области, — «Материалы...», вып. I, стр. 49.

¹⁸ Н. М. Вирский, Опыт исследования экономических и бытовых условий населения Дюрткульской волости Самаркандского уезда, — «Справочная книжка Самаркандской области», вып. V, 1897 (далее — СКСО); его же, Очерки Янги-курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области, — СКСО, вып. X, 1912; В. И. Чертов, Дагбитская волость. Данные экономического исследования волости в 1892 и 1893 гг., — СКСО, вып. IV, 1895; В. И. Неровецкий, Обзор Янги-курганской волости Самаркандского уезда в экономическом и бытовом отношении, — СКСО, вып. V стр. 171.

¹⁹ Б. А. Лыко, Итоги..., стр. 24; «Материалы...», вып. 2, § 7, 10, стр. 21, 22.

²⁰ Б. А. Лыко, Итоги..., стр. 50.

²¹ А. А. Семенов, Очерки..., стр. 42; М. А. Абдураимов, О некоторых категориях...; А. Л. Троицкая, Материалы...

²² Б. А. Лыко, Итоги..., стр. 50.

²³ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, — В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 3.

²⁴ «Материалы...», вып. 1, § 25, 26, стр. 81; вып. 2, § 3, 54, 56, стр. 44, 47; «Статистический ежегодник 1917, 1923», т. II, ч. 3, Ташкент, табл. 3, стр. 50.

²⁵ «Материалы...», вып. 2, § 56, стр. 35, 41, 47.

²⁶ Б. А. Лыко, Итоги..., табл. 47, стр. 49.

²⁷ «Материалы...», вып. 2, табл. 3, стр. 50—53.

²⁸ Б. А. Лыко, Итоги..., стр. 26.

²⁹ «Материалы...», вып. 1, стр. 35, 41—47.

³⁰ Б. А. Лыко, Итоги..., табл. 21, стр. 26.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДОКЛАДОВ СРЕДНЕАЗИАТСКО-КАВКАЗСКИХ ЧТЕНИЙ

ВОПРОСЫ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

Апрель 1983 г.

Под редакцией
В. П. КУРЫЛЕВА и
Л. И. ЛАВРОВА

ЛЕНИНГРАД
„НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

билей, превращения выборных должностей старшин в наследственные, узурпации роли народного собрания, т. е. формирования сословий и превращения этого общества в классовое. В результате включения в состав России цезские „вольные“ общества перестали существовать, а джамаат, выполняя функции низовой административно-хозяйственной единицы в государстве, переживал период разложения.

А.Б. Б у р и е в, Р.Я. Р а с с у д о в а

МУЖСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОБЩИНА УЗБЕКОВ И ТАДЖИКОВ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Одной из важных форм организации земледельческого населения Ферганы, Ташкентского оазиса, Зеравшанской и Кашкадарьинской долин даже в первой четверти XX в. оставалась сельская община, а в ней — мужские объединения. Община в целом выступала как отдельная единица земельно-водного хозяйства и общественной жизни и в пределах оросительной магистральной системы являлась самой мелкой ступенью административного деления. Функционирование общины как самостоятельной социально-хозяйственной организации выражалось в действиях входивших в ее состав отдельных объединений. Последние формировались на основе родственных, этнических, половозрастных и территориальных связей. Поэтому в пределах общины каждый являлся одновременно членом почти всех объединений. Это было возможно потому, что они действовали в разное время и при определенных обстоятельствах. Среди этих объединений своей значимостью и многофункциональностью выделялись мужские, известные под разными названиями (джура, гап, курам, мехмонхона, ульфат и др.). Мужские объединения формировались или по возрастному признаку, или по симпатиям, или по общности места поселений. В соответствии с этим в общине существовали или возрастные объединения (молодых, среднего возраста мужчин и стариков), или образованные на основе симпатий между людьми — среди узбеков, бывших сартов и таджиков, или территориальные, число которых нередко определялось территориальным же членением общины — у узбеков, сохранивших родоплеменное деление; последний вид мужских объединений отличался пестрым возрастным составом.

Мужские объединения независимо от их различий действовали постоянно в разных сферах хозяйственной и общественной жизни. Молодежная группа помогала жениху в полевых, а его невесте — в домашних работах (в южной Фергане — и в полевых). Она вручала свой подарок молодым на свадьбе, там же и обслуживала гостей. В начале земледельческого года, весной, молодежь и группа мужчин среднего возраста выступали как трудовая единица при очистке оросительной магистрали общины (Шахрисябэс, Иштыхан, Дагбит, Пскат, Кассан) и как боевая единица на смотре их главой округи в одном из семи центров празднования Науруза, справлявшегося во всех долинах и оазисах (Пайшамба — Фаринкет, Китаб, Бурчмола, Ходжакат,

Янгикурган и др.). В рабочую страду эти группы выполняли квалифицированную или тяжелую работу на земельных наделах всех общинников (Нижний Даргом, Мианкаль и т. д.). Группа старшего возраста чаще выступала как совет стариков. Она следила за общественным порядком, выполнением нравственных норм и водоземельного режима в общине. Осенью старики присматривали за сбором урожая и перевозом его с полей, за организацией хранения. Мужские объединения, созданные по территориальному признаку, не выступали как трудовая единица. Для выполнения указанных работ организовывалась помощь в разных вариантах (хашар, альгоу и т. д.).

В свободное от полевых работ время (три зимних месяца) мужские объединения, заранее обеспечив себя необходимыми продуктами или устроив складчину (продуктами или деньгами), регулярно собирались в специальных помещениях, где оставались длительное время; лишь женатые уходили домой под пятницу. Здесь весьма заинтересованно обсуждали хозяйственные и общественные успехи и просчеты членов своего объединения и общины в целом, систематически обучали молодежь хозяйственным навыкам, нормам поведения при различных обстоятельствах. Молодежь и люди среднего возраста (первые две группы), а в территориальных объединениях все, кроме стариков, устраивали в своем кругу различные развлечения (пение, танцы, декламации). Зимний отдых завершался в мужских объединениях, как и в других, праздником Науруз, проводившимся там, где начиналась оросительная магистраль общин. Здесь в общинных котлах приготавливали ритуальную трапезу (халим — у таджиков и узбеков-сартов Ташкентского оазиса, оши дарвишона — в Фергане). Собравшийся на праздник народ рассаживался общинами, разбившись на мужские объединения.

В результате подобной внутренней организации общины здесь существовала постоянная связь и взаимообусловленность действий членов общины в целом и отдельных ее частей. Эта системная организация связывала всех одновременно как исполнителей тех или иных функций, так и их контролеров. Объединение же усилий многих давало возможность выстоять в хозяйственном освоении природы и в социальной борьбе.

В.П. К у р ы л е в

О ФОРМАХ СЕМЬИ У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX В.

Проблемы социальной организации, в том числе форм семьи, у кочевников-скотоводов второй половины XIX-начала XX в. издавна привлекали внимание исследователей. Однако, несмотря на наличие обширной литературы, эти вопросы до настоящего времени разрешаются по-разному. Одни исследователи считают, что у кочевых тюрко-монгольских народов господствовала малая индивидуальная семья; другие отмечают, что малая семья у них имела многие пе-